

Н. Ильминский

**Письма Н.И. Ильминского к крещеным
татарам**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 291
ББК 86.3
Н11

Н11 **Н. Ильминский**
Письма Н.И. Ильминского к крещеным татарам / Н. Ильминский – М.: Книга по Требованию, 2024. – 244 с.

ISBN 978-5-458-56372-7

ISBN 978-5-458-56372-7

© Издание на русском языке, оформление
«УОУО Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

III

никовъ и ошибется, поправьте его, скажите ему добрымъ словомъ безъ всякаго гнѣва. Не только колотковъ, но и брани да не будетъ у васъ. Учите почитать священниковъ, родителей, старыхъ людей. Все начинается съ основанія, съ корня. Корень дерева лежитъ въ землѣ — черный и невидный, а безъ него дерево не можетъ расти; такъ и дѣтямъ нельзя быть безъ благословенія родителей... Также и старики деревенскіе все равно, что основаніе въ домѣ“ *) и проч.

Въ письмахъ Н. И—ча мы находимъ много подобныхъ наставленій, обнимающихъ съ разныхъ сторонъ главнымъ образомъ одинъ существеннѣйшій вопросъ: объ устройствѣ христіанской жизни и просвѣщенія среди крещеныхъ татаръ. Этотъ и самъ по себѣ великій и важный вопросъ заключенъ у него еще въ такія чудныя рамки искренности и преданности, что каждое почти письмо, помимо большей или меньшей важности своего содержанія, само по себѣ является милымъ и любезнымъ сердцу читателя. Читая письма Н. И—ча, часто совершенно забываешь, что это пишетъ директоръ къ учителямъ, своимъ бывшимъ ученикамъ, начальникъ къ подчиненнымъ, высокопросвѣщенный русскій человѣкъ къ простымъ, едва грамотнымъ людямъ, какими были тогда крещеные татары. Для него какъ будто и не существуетъ на свѣтѣ другихъ отношеній, кромѣ дружескихъ, братскихъ, родственныхъ, — и никакихъ другихъ вопросовъ, кромѣ вопросовъ о просвѣщеніи, о церкви, о школѣ. Ученики Н. И—ча превращаются въ „друзей“ его, „дорогихъ; болѣе души возлюбленнѣйшихъ друзей“. Любезны сердцу Н. И—ча „отцы и братья“, дѣды, и всѣ родные учениковъ. Дорога ему вся деревня ихъ со всѣми стариками и старухами, дядюшками и тетюшками. Всѣмъ имъ шлетъ онъ свой усердный поклонъ. Не чужды Н. И—чу даже житейскіе и семейные интересы учениковъ и деревни

*) См. письмо Т. И. Тимею 26 янв. 1874 г., а также и къ апазовскимъ учителямъ 19 ноября 1867 г.

ихъ. Въ заключеніе всего онъ обыкновенно проситъ своихъ друзей, какъ можно чаще, писать ему письма о томъ, какъ они живутъ, какъ идутъ ихъ школы и проч. ⁶⁾.

Письма Н. И—ча къ крещенымъ татарамъ не оставались и съ ихъ стороны безъ соотвѣтствующаго отвѣта и привѣта. Сколько привелось намъ узнать отъ о. Василія Тимоѳеева, отчасти и отъ другихъ лицъ, доставлявшихъ намъ письма въ Казань ⁷⁾, а также изъ отвѣтныхъ писемъ ⁸⁾, нужно думать, что вѣроятно не многія письма на свѣтѣ читаются такъ, какъ читались крещеными татарами письма къ нимъ Н. И. Ильминскаго. Впрочемъ, въ тѣ времена, когда образованіе между крещеными татарами только что начиналось, лѣтъ 20—30 тому назадъ, мы встрѣчаемъ много такого, чего нынѣ уже не можетъ быть. Какое нибудь наприм. нехитрое письмо, написанное „полувершко-

⁶⁾ См. напр. письма къ *О. И. Т—ву* 29 окт. 1873 г., 24 февр. 1876 г., къ *о. Андр. Васильеву* 1870 г. и друг.

⁷⁾ По порученію Екатерины Степановны Ильминской, отъ имени Н. А. Бобровникова вскорѣ послѣ смерти Н. И—ча появилась просьба о доставленіи его писемъ въ Казань («Церк. Вѣдом. 1893 г. №№ 10—12, а также въ мѣстныхъ казанскихъ газетахъ»). Черезъ нѣсколько времени подобная же просьба напечатана на русскомъ и татарскомъ яз. въ «Извѣстіяхъ по Казанск. Епархіи» (1893 г. № 11 и др.). Кроме того, о. Вас. Т—въ и частнымъ образомъ лично отъ себя просилъ о томъ же нѣкоторыхъ изъ крещеныхъ татаръ, о которыхъ зналъ, что они состояли въ перепискѣ съ Н. И—чемъ. Послѣ того письма Н. И—ча постепенно стали собираться въ Казань, изъ нихъ писанныя къ крещенымъ татарамъ направлялись обыкновенно къ намъ для перевода и приготовления къ печати. Письма эти большею частію доставлялись намъ чрезъ о. В. Т—ва, но иногда и лично тѣми, къ кому были адресованы, или съ надежнѣйшими людьми и съ покорнѣйшими просьбами о возвращеніи ихъ обратно, въ чемъ обязательное увѣреніе было напечатано на обоихъ языкахъ въ вышеупомянутомъ объявленіи. Изъ отдаленнѣйшихъ мѣстъ (наприм. о. Игнатій Тимоѳеевъ, священствующій въ Остроленкѣ, Верхне-Урал. у.) присылали письма въ заказныхъ конвертахъ.

⁸⁾ Объ этихъ письмахъ см. ниже.

выми“ буквами, отъ ученика изъ крещено-татарской школы производило въ деревнѣ „настоящую суматоху“: его собирались читать „чуть не всѣ обыватели деревни“⁹⁾). Письмо Н. И—ча въ крещено-татарской деревнѣ представлялось еще большею новостію; отчасти поэтому, а также по содержанию и по характеру своему, оно производило здѣсь и еще большее впечатлѣніе. Доходило письмо Н. И—ча до крещено-татарской деревни и попадало по адресу въ руки учителя. Учитель „распечаталъ письмо, прочиталъ и очень обрадовался“. „Милостивѣйшій ты человекъ нашъ, Н. И—чъ!“ въ восторгѣ восклицаетъ одинъ учитель въ отвѣтномъ письмѣ, „спасибо тебѣ, что ты вспомнилъ меня и порадовалъ мое сердце.... Какъ дождикъ вспрыскиваетъ и оживляетъ увядающую траву, такъ и Ваши слова оживили меня. Они оживили меня и сдѣлали бодрымъ и сильнымъ“.... Какія мысли и чувства, какія картины и свѣтлыя воспоминанія сразу воскресило это письмо въ сердцѣ скромнаго труженика деревни, онъ не можетъ даже и передать. „У меня не достаетъ теперь ни словъ высказать, ни мыслей, чтобы понять, до чего Вы не оставляете меня“. пишетъ молкъевскій учитель Т. И. Тимей¹⁰⁾). Какъ ни привыкъ учитель, еще въ бытность ученикомъ казанской школы, ко всяческимъ благопожеланіямъ своего директора, но письмо отъ него здѣсь, среди особой деревенской обстановки, производитъ на учителя сильное и совершенно особое радостное впечатлѣніе. Онъ прочитываетъ это письмо неоднократно самъ для себя, потомъ спѣшитъ подѣ-

⁹⁾ Замѣчено на страницахъ официально-дѣлового документа: «Сборникъ документовъ и статей по вопросу объ образованіи инородцевъ», по сочиненію П. Знаменскаго «На память о Н. И—чѣ» (стр. 233).

¹⁰⁾ Въ кавычкахъ („) вездѣ буквальный переводъ выраженій изъ писемъ крещеныхъ татаръ къ Н. И—чу. См. напр. письма: Самуила Антонова 1869 г. дек. 21, — Тимоеева И. Тимей 1869 г. 19 апр., — о. Игнатія Т. Тимоеева 1876 г. 2 апр. и друг.

литься своею радостью съ ближайшими друзьями: письмо читается въ классѣ всѣмъ ученикамъ. Затѣмъ начинается передача поклоновъ отъ Н. И—ча старикамъ и другимъ почетнымъ людямъ въ деревнѣ: при этомъ учитель „беретъ и самое письмо, читаетъ его имъ и показываетъ“ ¹¹⁾. Наканунѣ дней воскресныхъ и праздничныхъ приходятъ въ школу вечеромъ вмѣстѣ съ учениками и ихъ родные и другіе обыватели деревни послушать чтеніе священныхъ книгъ и церковныхъ пѣсней: и здѣсь представлялся учителю удобный случай прочесть письмо Н. И—ча. Бывало, что оно и совсѣмъ уходило изъ школы въ деревню, а отсюда, странствуя изъ рукъ въ руки, перебиралось даже въ другую деревню. Самуиль Антоновъ носитъ письмо Н. И—ча изъ Ташкирмень читать къ Тимею агаю въ Лебедино (версть за 30—40) ¹²⁾. „Всѣ удивлялись“ тому, что профессоръ, директоръ, начальникъ, „генераль“ (какъ писали они иногда Н. И—чу на адресахъ и какъ стали называть его крещеные татары въ своихъ разговорахъ, какъ-то особенно благоговѣнно и почтительно подчеркивая это слово) и въ добавокъ русскій человѣкъ является среди нихъ, крещеныхъ татаръ, какъ любящій отецъ, братъ, другъ, товарищъ. Онъ ничѣмъ не гнушается, ни отъ кого изъ нихъ не отворачивается; всѣмъ одинаково протягиваетъ руку,—старымъ и малымъ, бѣднымъ и богатымъ; всѣмъ усердно кланяется и говоритъ прямо къ сердцу на ихъ родномъ языкѣ. Мало того, Н. И—чъ проситъ крещеныхъ татаръ и его не забывать, писать къ нему и непременно заходить, когда будутъ въ городѣ. Онъ искренно обижается даже, когда узнаетъ, что они не исполняютъ его просьбы. „Прошлый годъ я писалъ—писалъ поклоны дядюшкѣ Калинѣ, а почтенный Калина не почелъ долгомъ даже и зайти ко мнѣ плохому, когда онъ былъ въ Казани. Очень жаль! Я такъ радъ

¹¹ и ¹²) Изъ писемъ къ Н. И—чу Игнатія Т. 1867 г. 4 февр. и Самуила Антонова отъ 20 дек. 1869 г.

VII

добрымъ людямъ“, — упрекаетъ Н. И. своихъ избранныхъ, но недовѣрчивыхъ друзей ¹³⁾). Послѣ того, рассказывалъ намъ о. Василій Т—чъ, Калина агай неоднократно бывалъ у Н. И—ча, точно такъ же, какъ и многіе другіе изъ крещеныхъ татаръ. Въ кабинетѣ Н. И—ча предъ ихъ глазами открывался совершенно другой міръ, другая жизнь. Многое здѣсь было совсѣмъ для нихъ ново; но всего новѣе было то отрадное впечатлѣніе, которое они выносили въ глубинѣ души своей отъ доброты и привѣтливости Н. И—ча. Возвращаясь въ свою деревню, они „рассказывали здѣсь всѣмъ все, что видѣли и слышали отъ Н. И—ча; всѣ были очень довольны“. Они рассказывали о томъ, какъ онъ ихъ встрѣчалъ, какъ усаживалъ, сколько у него разныхъ книгъ, что говорилъ, какъ угощалъ чаемъ. — „возьметъ стаканъ и самъ несетъ мнѣ, а вѣдь генераль!... А я что?“ — добавлялъ всегда почтенный сѣдой старикъ Иванъ Петровъ (изъ деревни Аланка, Лаиш. у.) ¹⁴⁾).

Все это казалось для крещеныхъ татаръ едва вѣроятнымъ откровеніемъ новой жизни, новыхъ отношеній... Но приходило въ деревню новое письмо отъ Н. И—ча, и вновь, какъ свѣтлое пятно на темномъ фонѣ деревенской жизни, оно приковывало къ себѣ общее вниманіе; оно вновь оживляло и сосредоточивало около себя воспоминанія о Н. И—чѣ, о его школѣ, о его сотрудникахъ, и затѣмъ, какъ и прежнія письма, совершало обычное миссіонерское путешествіе по крещено-татарскимъ домамъ и деревнямъ.

Не скоро возвращалось письмо въ руки своего первоначальнаго владѣльца (нѣкоторыя письма Н. И—ча къ о. Якову Емельянову, когда онъ былъ учителемъ въ селѣ Урѣвыхъ Челнахъ, Лаиш. у., и совсѣмъ не

¹³⁾ Изъ письма Н. И—ча къ опшмянскимъ дялюшкамъ Калинѣ и Никанору отъ 15 сент. 1868 г.

¹⁴⁾ Это было обычное заключеніе рассказовъ Ивана Петрова о томъ, какъ онъ бывалъ у Н. И—ча. См. также письма къ Н. И—чу Т. И. Тимея 1870 г. 21 декабря, 1879 г. 19 апрѣля.

VIII

возвратились къ нему). Возвращалось оно уже довольно потрепанное (каковы почти все письма, доставленные намъ). Это рѣдкое, вѣроятно же, единственное письмо, какое когда либо получалъ и могъ получить крещеный татаринъ, полагалось въ сундукъ на храненіе ¹⁶⁾, какъ драгоценное сокровище, — а кругомъ, въ сердцахъ простыхъ людей, оставался отъ него добрый слѣдъ.

Письма Николая Ивановича къ крещенымъ татарамъ и сами были не простой спокойной корреспонденціей; они были задушевными изліяніями его добраго сердца и неложнымъ выраженіемъ его искренней и живой преданности тому святому дѣлу, которое всецѣло захватывало духъ нашего дѣятеля и возбуждало невольный откликъ въ простыхъ сердцахъ ихъ читателей. Истинная сердечность этихъ писемъ, всегда и во всемъ сама себѣ вѣрная, неизмѣнная въ разъ принятомъ направленіи и ихъ глубоко жизненное содержаніе, имѣвшее множество самыхъ живыхъ точекъ соприкосновенія съ тою средою, въ которой они распространялись, и доставляли имъ ту великую силу и значеніе, которыми они пользовались по крещено-татарскимъ деревнямъ. Никакіе деревенскіе къ нимъ комментаріи не въ состояніи были посѣять какихъ либо сомнѣній относительно чистоты и благотворности на-

¹⁶⁾ Объ этомъ рассказывалъ намъ и о. Василій Т—чь. То же самое видимъ и изъ письма о. Игнатія Т—ва: «Въ Церковныхъ Вѣдомостяхъ жазганнар ыйы: Екатерина Стефановна Ильминская Николай Ивановичен катларын жибрерге сорой диб. Минди алты каты бар ыйы, изге кешенен габратле татлы сюзярен сандыгымда саклаб жаткызыб, кешегя эшеттермей тотоб, айыблы, жазыкы булмыйым диб—аларны сезги жибярэм, сез тейешле жиргя табшыра кюрегез» (т. е. Въ Церкви. Вѣдомостяхъ писали, что Екатерина Степановна Ильминская проситъ присылать письма Николая Ивановича. У меня есть шесть писемъ его; не быть бы мнѣ грѣшнымъ и виноватымъ, если я лишу людей возможности послушать назидательныя и отрадныя слова святаго чловѣка, уложивши ихъ въ сундукъ на сохраненіе. Посылаю ихъ Вамъ, пожалуйста передайте, куда слѣдуетъ», — изъ письма къ о. В. Т—ву отъ 9 декабря 1892 г.).

мѣреній ихъ автора въ сердцахъ сѣдовласыхъ главарей деревни. Разказы, ходившіе тамъ о личности Н. И — ча, только подтверждали, раскрывали и расширяли смыслъ и значеніе его писемъ. только еще болѣе усиливали ихъ впечатлѣніе и созидали въ сердцахъ крещеныхъ татаръ тотъ чистый, ясный и цѣльный образъ благочестиваго, высокопросвѣщеннаго русскаго человѣка, которому никакъ нельзя было не вѣрить, котораго нельзя было не любить, не почитать до самаго искренняго благоговѣнія. Имя Н. И — ча получило среди крещеныхъ татаръ необычайно высокое значеніе и сдѣлалось почти синонимомъ всего добраго, хорошаго, срятого. Все, что ни исходило отъ этого имени, принималось въ ихъ средѣ безпрекословно, съ полнымъ довѣріемъ, радушіемъ, откровенностію и любовію, — будь то мнѣніе, книга, школа, учитель, простой человѣкъ. Скромная просьба отъ этого имени, а тѣмъ болѣе письмо Н. И — ча много значили въ предѣлахъ вліянія его крещено-татарскихъ школъ (гдѣ именно и распространялись письма Н. И.). Письмо его было лучшею подорожною грамотою для русскаго путешественника, особенно новичка-наблюдателя, по крещено-татарскимъ деревнямъ ¹⁶⁾. Безъ него не могли

¹⁶⁾ Въ былое время — и сравнительно не особенно далекое — самъ Н. И. пробирался по крещено-татарскимъ деревнямъ Мамадышскаго уѣзда (о всякомъ опасеніи и осторожностію, съ трудомъ добывая нужныя для себя свѣдѣнія (Знаменскій «На память о Н. И.» стр. 46—47, 112—114), а для учениковъ и знакомыхъ Н. И — ча въ послѣднее время и въ томъ же Мамадышскомъ уѣздѣ открытъ былъ свободный входъ почти во всѣ крещено-татарскія деревни. Если же при томъ получался въ деревнѣ еще устный или письменный наказъ Н. И — ча относительно кого либо изъ нихъ, то такой счастливецъ могъ встрѣтить въ крещено-татарскихъ деревняхъ рѣшительно удивительное, безпредѣльное радушіе. Самые почтенные люди деревни (обыкновенно знакомые Н. И — ча) приходили звать васъ къ себѣ въ гости, добродушно выставляя на видъ свое близкое знакомство съ Н. И — чемъ, упоминая о поклоняхъ, которые онъ постоянно посылалъ имъ изъ Казани, и рассказывая, какъ онъ вообще почитаетъ ихъ и проч. Выходило

Х

устроиться въ своихъ деревняхъ даже сами учителя изъ крещеныхъ татаръ. „Николай Ивановичъ“, пишетъ по-татарски одинъ учитель Белебеевскаго уѣзда, „я умоляю Васъ, Господа ради, пришлите мнѣ письмо;

такъ, что не идти къ нимъ въ гости значило бы явно оскорбить ихъ. И другіе люди въ деревнѣ, хотъ и не имѣвшіе въ своемъ распоряженіи такихъ непосредственныхъ знаковъ особаго благоволенія къ нимъ Н. И—ча, всетаки считали за счастье залучить васъ къ себѣ въ домъ и угостить, чѣмъ богаты. Если гдѣ либо въ деревнѣ устраивалась пирушка («аш») или вечеринка по случаю свадьбы и т. п., васъ звали и туда. Здѣсь усаживаютъ васъ на почетное мѣсто, угощаютъ, объясняютъ вамъ значеніе тѣхъ или другихъ словъ, обычаевъ, обрядовъ; просятъ, даже заставляютъ васъ принять въ чемъ либо и личное участіе. «иначе, вѣдь, не узнаешь-де хорошо». По желанію вашему, возятъ васъ и въ другія деревни (верстъ за 5—15). И тамъ, по первому слову: «его прислалъ Н. И—чъ», васъ встрѣчаетъ такое же чисто родственное радушіе и всяческая заботливость объ угощеніи, объ отдыхѣ. На ночь непременно постилаютъ вамъ перину, пуховыя подушки. Если вы заявили, что вамъ необходимо выѣхать рано утромъ, на примѣръ часа въ три, и встанете въ это время... Къ великому удивленію своему видите: на столѣ кипитъ уже самоваръ, заваренъ чай, стоитъ неизмѣнный «каймакъ» (сливки, снятые съ варенаго цѣльнаго молока) Едва успѣли вы пооправиться со сна, какъ хозяйка несетъ горячіе блины и яичницу. Это уже всего болѣе поражаетъ васъ и, хотя вы попали сюда въ первый разъ, рѣшительно теряете способность чувствовать себя тогда чужимъ въ крещено-татарской деревнѣ. Все рассказанное сейчасъ представляетъ точную выписку изъ нашихъ собственныхъ дневниковъ за январь—февраль 1885 г. и май—іюнь 1890 г. Хотя я и состоялъ учителемъ крещено-татарской школы въ Казани, но лично вовсе не имѣлъ такихъ сношеній съ крещеными татарами, чтобы заслуживать подобнаго приѣма съ ихъ стороны. И вездѣ было замѣтно, что самое главное здѣсь было то именно, что я былъ посланъ Н. И—чемъ, и кромѣ того, при мнѣ имѣлась особая рекомендательная, въ родѣ вида, бумага отъ Н. И—ча, въ которой между прочимъ была указана и цѣль моего путешествія; содержаніе этой бумаги было извѣстно нѣкоторымъ учителямъ изъ крещеныхъ татаръ. Намъ кажется, что студенты миссіонерскаго отдѣленія при Казан. дух. академіи, имѣвшіе счастье пользоваться рекомендаціею Н. И—ча, или по крайней мѣрѣ именемъ его, могли бы многое поразсказать въ этомъ родѣ изъ своихъ лѣтнихъ миссіонерскихъ экскурсій по крещено-татарскимъ деревнямъ.

здѣшніе жители говорятъ. что до тѣхъ поръ, пока не прочитаютъ твое собственноручное письмо, мнѣ здѣсь нельзя жить“¹⁷⁾).

На письма Николая Ивановича получались многочисленныя отвѣтныя письма крещеныхъ татаръ. Въ архивѣ центральной крещено-татарской школы въ настоящее время находится всего около 2 тысячъ писемъ крещеныхъ татаръ за періодъ времени отъ 1865—1891 гг. Изъ этихъ писемъ около 500—600 обращены лично къ Н. И—чу. Остальныя писаны на имя о. Василія Тимоѣевича, но и они рѣдко обходятся безъ упоминанія имени Н. И—ча. Нѣкоторыя изъ нихъ (и такихъ мы насчитали болѣе сотни) такъ прямо и обращены: „Святые отцы, Николай Ивановичъ и Василій Тимоѣевичъ!“ или: „Наставники насъ во благо, отецъ Василій и Н. И—чь!“ „Просвѣтители насъ, слѣпыхъ крещеныхъ татаръ, Н. И—чь, дѣдушко Гордей, В. Тимоѣевичъ и Евѣимъ Александровичъ“¹⁸⁾ и т. п. Н. И—чь въ письмѣ своемъ (1868 г. 26 сентября) къ Игнатію Т—ву пишетъ между прочимъ: „о школѣ, обученикахъ ты пописывай брату твоему Василію или мнѣ; съ нимъ у насъ и худо и хорошо все попо-

¹⁷⁾ Письмо помѣчено «8 ноября 1879 г.» Къ сожалѣнію въ письмѣ не упоминается названіе деревни, гдѣ было дѣло, хотя и видно, что она была въ Белебеевскомъ уѣздѣ. Авторъ письма позабылъ подписать и свою фамилію (это впрочемъ нерѣдко встрѣчается въ письмахъ крещеныхъ татаръ къ Н. И—чу;—для Н. И—ча конечно было ясно все и безъ этихъ подробностей).

¹⁸⁾ «Эй изге аталар Николай Ивановичъ, Василій Тимоѣевичъ!» или: «Безне изгелекка ойрятеўче Василій атей, Николай Ивановичъ!» или: «Эй без кряшениярне сукырларны, т. е. белмягянярне жактыртыучылар Николай Ивановичъ, Гордей бабай, Василій Тимоѣевичъ, Евѣимъ Александровичъ», и т. п. обращенія выписываемъ буквально изъ первыхъ попавшихся подъ руку подлинниковъ. Упомянутые сейчасъ «Гордей бабай и Евѣимъ Александровичъ» извѣстные профессора казанской дух. академіи: Саблуковъ и Маловъ.

ламъ" ¹⁹⁾. Читая инья письма (очень длинныя, до 2—3 листовъ простой писчей бумаги), иногда совершенно теряешься, къ кому собственно изъ двоихъ они писаны, къ о. Василию Т—чу или къ Н. И—чу. Такъ писались и отвѣты на подобныя письма; на письмахъ къ о. Василию Т—чу часто встрѣчаются отмѣтки руки Н. И—ча, а на письмахъ къ Н. И—чу отмѣтки руки В. Т—ча: за о. В. Т—ча отвѣчалъ Н. И—чь и на оборотъ. Такимъ образомъ, можетъ быть, только очень немногя письма изъ упомянутыхъ 2 тысячъ прошли мимо рукъ Н. И—ча, —если только прошли.

Почти все письма крещеныхъ татаръ писаны на татарскомъ языкѣ русскими буквами. Есть впрочемъ нѣсколько писемъ (около сотни) и на русскомъ языкѣ. Встрѣчаются здѣсь и такія вещи: начнетъ человекъ писать по-русски, но вдругъ на полфразѣ перескакиваетъ на языкъ татарскій... и перо идетъ у него бойчѣе, и мысли высказываются яснѣе и опредѣленнѣе. Крестьянинъ деревни Дурги (Малмыжск. у.) NN. пишетъ отъ 13 марта 1873 г. свое „Письмо № 1 добродѣтелю Николаю Ивановичу“ —на четырехъ языкахъ: „1. По рускй“.... „2-и По крещено-татарскій чтенію“.... „3) По вотскому чтенію“.... и (безъ цифры) „По черемискому чтенію“. Въ пяти строкахъ на каждомъ языкѣ онъ проситъ Н. И—ча объ одномъ и томъ же, что излагаетъ порусски слѣдующимъ образомъ: „Не возможно ли Будетъ Принять меня школку Училищу въ городъ Казань—для народнаго польза“. Записавъ одну сторонку поллиста онъ въ концѣ всего прибавляетъ слѣдующій постскриптумъ: „Не возмо ли написать на оборотѣ обратный отвѣтъ“ ²⁰⁾.

¹⁹⁾ «Школы турысында, малайлар турысында Бачлей аганга жя минга жазгалабъ торъ, анынъ белаянъ арабызда жакшыда жаманыда барыда уртакъ».

²⁰⁾ Крестьянинъ этотъ дѣйствительно учился послѣ въ крещено-татарской школѣ и былъ затѣмъ учителемъ. Мы встрѣтили отъ него письма два-три съ подписью «учитель»; написаны они довольно сносно порусски.